

ISSN 0130-3562

Ж У Р Н А Л

Доб

10-12-2017

Российский
ордена Дружбы народов
литературно-художественный
ежемесячный журнал

Ростов-на-Дону

Виктор Петров

ЧЕРЁД ПЕРВОЗИМЬЯ

Стылый ветер струит снежную позёмку вдоль дороги. Проскакивают редкие авто. А уже непривычная ныне для русских равнин фигурка одинокого путника, двоясь в зыбком мареве, пересекает белое снежное поле и вот-вот затеряется вдали.

Такой образ являлся моему мысленному взору довольно часто на полях новой книги Андрея Шацкого «Первозимье» (М.: Вест-Консалтинг, 2017), и не столь важно, о чём конкретно было то или иное стихотворение. Ясно виделся *тот*, устремлённый к одному ему известной цели, а что при этом может случиться – разве имеет значение?

Путь ему указан свыше. И здесь должно следовать провидению. Если божий перст отметил, так принимай данность – неси свой крест избранничества. Пусть непомерно тяжёлый святой груз, но тебя никто и никогда не заменит.

Такими единственными были апостолы христианской веры. В теперешнее смутное время вообще и для литературы в частности апостолами Слова, вне всякого сомнения, и могут числиться подобного рода одинокие путники, хранимые фаворским светом русской поэзии.

Андрей Шацков исповедует классику, его стихотворный строй даёт понять читателю, что смысл рифмуемых строк не столько в сказанном, сколько в некоей возвышающей его надмирности. При этом созерцательность исключена, и душа по завету поэтического собрата «*обязана трудиться*».

*Над древним храмом кажется синее
Проем небес в разрывах чёрных туч.
Остановись и сделайся сильнее,
Поймав в окне апсиды солнца луч.*

Сам же поэт, пребывая по воле обстоятельств в неустанных борениях духа, кажется, готов отчаяться и усомниться в ресноте, называемой им так по-древнеславянски, – истине.

Обращение к отдалённым временам, к событиям значительной истории Руси исцеляет во имя грядущего, служит библейским посохом на пути к самостоянию. *«И только Андрей Первозванный /Тебе подставляет плечо».*

Тютчевское «не то, что мните вы, природа...» вписано в координаты поэзии Шацкого естественным образом. Да и как иначе? Искони родное место – древний подмосковный городок Руза – наделило осознанием своей причастности ко всему сущему, связуемостью с ним.

Памятую однажды услышанное: Россия, Русь постигается именно в таких заветных уголках; здесь обереги для твоего сердца – и *«матёрье снега»*, и *«солнышко волчье»*, и *«шрам звёздной прорехи»*, и всё другое, близкое и понятное до слёз.

Сущностные реалии, малое в связке с большим зорко подмечает поэт. Он легко перемещается во времени и на расстоянии. Находит свой ракурс, чтобы увидеть за первым планом нечто иное. И пишет:

*Ведь Россия теплом — не Сирия,
Да и Руза — не Иордан,
Чьи истоки — в библейской местности,
У подножья высоких гор...
У России — свои окрестности,
У России — свой разговор.*

Заметно сдержанная в выражении чувств, можно сказать, вся в себе поэзия Андрея Шацкого, когда боль не напоказ, а выражается по-мужски, точнее – преодолевается, чтобы уберечь от неё родную душу да и нас с вами, сторонних, но уже сопереживающих. Особенно это присуще стихам о любви, где сердцебиение автора порой учащается до едва ли не трагического предела: *«Прощай! Показалось, я жить не могу!»* А вот ещё из раздела «Час до вечной любви» исповедальное признание:

*К твоему склонившись изголовью,
Про меня прошепчет вещей сон:
Жил неладно, но ушёл — с любовью...*

Современная русская поэзия не знает «своего Пушкина», и это уже отдельный разговор. Зато любой сведущий может назвать первый ряд бесспорных стихотворцев, чьи имена не только многое значат чисто в литературном плане, но и важны для познания самоё себя. И здесь без Андрея Шацкого не обойтись.